Ян Ху немного колебался, стоя в нерешительности перед дверью клиники Лауэр Грув.

Входная дверь клиники была старой и в каких-то пятнах, и создавалось впечатление, что она существовала тут уже очень давно. Она очень хорошо сочеталась со стилем всего переулка, а также очень напоминала стиль ресторана лапши семьи Ян. Однако несмотря на то, что в молодости Ян Ху редко заходил в ресторанчик, где его отец каждый день готовил, нарезал и подавал лапшу, он знал, как быстро распространялись новости в таких районах.

Должен ли он был извиниться, как подобает, или же ему стоило спрятаться, как трусу?

Ян Ху, возможно, и толкал инвалидное кресло, но при этом ходил кругами, показывая, насколько он был нерешительным. У Ян Чжуншу не было выбора, кроме как напомнить ему: - Сынок, у меня немного кружится голова.

Ян Ху немедленно остановился и в смущении почесал голову. Его волосы немного поредели в последнее время. Они были гладкими и приятными на ощупь, но выглядели не особо привлекательно.

Мысли Ян Ху неизбежно блуждали: «Один из недостатков работы в «белых воротничках» заключается в том, что это накладывает отпечаток на качество волос. Я тоже понятия не имею, что конкретно делают врачи в больнице. После того, как у меня возникла проблема с регистрацией на консультацию, они отказывали мне лишь после нескольких предложений, не оставляя мне выбора, кроме как пойти в небольшие клиники. А маленькие клиники только и хотят, что зарабатывать деньги, у них нет никакого качества...

- Или, точнее, кроме этой маленькой клиники, другие маленькие клиники, особенно те, которые утверждают, что лечат выпадение волос, на самом деле не имеют образцов для сравнения или ознакомления...

Ян Ху поднял голову и снова посмотрел на вывеску клиники Лауэр Грув. Он знал, что, придя сюда, он на самом деле принял решение.

Ян Ху опустил голову и внутренне посмеялся над собой: «За столько лет работы я успел уже достаточно послушаться от грубых клиентов, которые не боялись оскорблять меня и высказывать мне всё в лицо, что возникает вопрос: А чего мне, собственно, теперь стыдиться, если я уже через многое прошёл?»

Затем он передумал: «Но, если хорошо подумать, то между врачами и пациентами, пациенты - это те же самые клиенты. Почему я, как пациент, который пришёл в эту клинику, должен извиняться?»

Тем не менее, несмотря на то что у Ян Ху было множество мыслей в голове, он, всё же, протянул руку и несколько раз постучал в пятнистую входную дверь.

Ему всё ещё нужно было извиниться и вернуть инвалидное кресло, которое он раздраженно вытолкнул в тот день. Также ему предстояла оплата за медицинские услуги, которые он должен был ещё платить. В противном случае, чем лучше его отец будет делать лапшу, тем больше имя Ян Ху будет запятнано в округе.

Что ещё более важно, им с отцом нужно будет посетить клинику и обратиться к ним за помощью, когда дело дойдёт до реабилитации и последующих обследований.

- Лин Жань в клинике Лауэр Грив, верно? - раздался резкий голос позади отца и сына. Он сопровождался звуком выхлопной трубы мотоцикла, которая выпускала дым.

Ян Ху и его отец одновременно обернулись и увидели черный мотоцикл «Хонда», припаркованный в нескольких футах от них. Молодая женщина с длинными волосами и не менее длинными ногами сидела прямо, прежде чем слегка приподнять подбородок.

- Да.

- Зачем вы ищете Лин Жаня?

Отец и сын спросили в один голос. Ян Чжуншу был более осторожен и ответил вопросом на вопрос, но его сын ответил слишком поспешно.

Мотоциклистка улыбнулась и спрыгнула с байка, ловко перекинув через него ногу. Она гордо и уверенно пошла вперёд и несколько раз громко постучала в дверь клиники.

Ян Ху почувствовал сожаление. Молодая женщина перед его глазами была молода и красива, но он вёл себя как трус.

Тук-тук-тук.

Хотя молодая женщина была красива, она вела себя довольно резко. Она растопырила тонкие пальцы и ударила в дверь, словно хотела её разбить. От её стуков раздавались громкие звуки.

Тук-тук-тук.

Судя по скорости, с которой она колотила в дверь, они точно могли сказать, насколько она нетерпелива.

- Иду, иду, - Лин Цзечжоу наконец-то услышал стук изнутри клиники. Одеваясь, он крикнул: - В клинике сейчас нет врача. Если вам необходима госпитализация или другое срочное лечение, то вам стоит отправиться в больницу.

Через мгновение дверь открылась. Лин Цзечжоу уставился на мотоциклистку, которая обнажила свои незагорелые светлые ноги. Он был потрясен и спросил: - Вы больны?

- Сам ты больной, - голос женщины-мотоциклистки был немного хриплым, но в нём таилось своё очарование. Брови, нарисованные карандашом для бровей, были острыми, как ножи. - Так Лин Жань здесь?

- Об этом... - Лин Цзечжоу ощущал себя немного обеспокоенным.

- Я здесь, чтобы дать ему рыбу, - мотоциклистка, казалось, понимала его опасения. На её лице промелькнула тень улыбки, когда она отвязывала пластиковую коробку с заднего сиденья мотоцикла. Затем, она бросила коробку на землю. Коробка была очень тяжелой и, казалось, была весьма прочной. Очевидно, она была хорошего качества.

Не только Лин Цзечжоу, но Ян Чжуншу и Ян Ху в замешательстве уставились на мотоциклистку.

Молодая женщина указала подбородком на коробку и сказала: - Взгляни.

Лин Цзечжоу ломал голову, пытаясь вспомнить, что означает дарение рыбы. Немного потянув время, Лин Цзечжоу поднял крышку тяжелого бокса под любопытными взглядами отца и сына Ян.

Лосось с выпученными глазами спокойно лежал на кубиках льда, его чешуя, казалось, искрилась на солнце.

- Большой норвежский лосось, только что прибыл. Тут лежит восемнадцать фунтов свежей рыбы. Она очень вкусная, независимо от того, как её готовить, - это подарок моего старшего брата Лин Жаню, - помолчав, ответила женщина. - Можете попросить его выйти?

- Кто твой старший брат? - Лин Цзечжоу был сбит с толку. За многие годы работы в клинике он впервые увидел, как кто-то дарит лосося.

Но, очевидно, молодая женщина делала это не в первый раз. Она ткнула в лосося рукой и сказала: - У моей семьи рыбный магазин. Лин Жань зашил рану моего старшего брата и даже сумел сохранить ему татуировку. Мой брат попросил меня дать ему рыбу в благодарность.

Лин Цзечжоу, наконец, понял. Он гордо выпрямился и крикнул в сторону двора: - Сына, здесь пациент, хочет сделать тебе подарок!

Лин Цзечжоу всегда знал об обычае пациентов дарить докторам такие вещи, как подарочные корзины или красные конверты. Однако, даже после десятилетия работы в клинике, полученные им подарки можно было пересчитать по пальцам одной руки.

Тот факт, что его сын уже начал получать подарки после того, как побыл врачом всего несколько дней, или, скорее после того, как был интерном-медиком в больнице в течение нескольких дней, заставил Лин Цзечжоу чрезвычайно гордиться сыном. Как он хотел, чтобы все соседи узнали об этом.

- Лин Жань, пришёл пациент с подарком. Он в очень большой коробке. Быстро иди сюда и занеси его, - Лин Цзечжоу ещё больше выпрямил грудь и отчаянно втянул в себя пивной животик, стараясь выглядеть как можно более статно и величественно.

Когда Лин Цзечжоу был молод, он тоже был очень красив, но жизнь в клинике была слишком неспешной. Он прибавлял в весе каждый день и, в конце концов, превратился в полного мужчину средних лет.

Тем не менее голос его звучал громко и отчётливо.

В прошлом песни о любви, которые он пел, были достаточно громкими, чтобы было слышно всему региону. Теперь его голос всё ещё звучал достаточно громко, чтобы раздаваться эхом в клинике.

Дзинь!

Звук открывающихся окон доносился с обеих сторон переулка.

Большинство домов в Лауэр Грув были построены около двадцати-тридцати лет назад. Семьи, которые не ремонтировали свои дома и не меняли оконные решетки, по-прежнему использовали окна с рамами, разделёнными на четыре квадрата деревянными решетками. Эти окна можно было открыть, выдвинув рамы наружу, как дверь. Окна скрипели, когда их открывали или закрывали.

Лин Цзечжоу был очень доволен собой. Он продолжал стоять, выпятив грудь и втянув живот, в то время как его глаза были устремлены во двор.

- Лин Жань! Пациент уже ждёт с подарком, иди принимай! - когда Лин Цзечжоу перестал слышать звуки открывающихся окон, он снова закричал.

Бдыщ, дзинь.

Все больше людей открывали свои окна, чтобы посмотреть на клинику.

Лин Жань натянул футболку и спустился вниз. В этот момент он чувствовал себя усталым, потому что лёг спать только после того, как закончил допоздна штудировать материал.

На протяжении всей своей жизни врачи всегда учились, и многие люди находили этот образ жизни чрезвычайно мучительным. Но Лин Жань не возражал. Ему нравилась красота точности в хирургической медицине, как, например, то, как доктора говорили, как будут сокращать точную длину, которую, по их словам, они будут делать без каких-либо отклонений.

Тем не менее, Лин Жань был не в особо хорошем настроении, когда ему пришлось проснуться после нескольких часов сна. Однако, когда мотоциклистка уставилась на Лин Жаня, её настроение настолько повысилось, что она почти начала пускать слюни, глядя на молодого врача.

Она повидала немало красивых мужчин. В конце концов, в наши дни есть даже мужчины, которые наносят макияж. Но она никогда не видела такого элегантного красивого мужчину с такими идеальными чертами лица.

- Приятно познакомиться. Меня зовут Лу Цзиньлин, и я приехала, чтобы поблагодарить вас от имени моего старшего брата. Мотоциклистка изменила своё поведение, мгновенно став менее грозной, и даже смягчила тон голоса.

Лин Жань почесал лоб и спросил немного затянuto: - Кто ваш старший брат?

- О, я забыла сказать. Моего старшего брата зовут Лу Хайшань. Все на рынке зовут его королём оленей. Когда она увидела, что Лин Жань все ещё не понимает, о ком она говорит, Лу Цзиньлин указала на свою светлую руку и сказала: - У него здесь татуировка оленя. Ты зашил его несколько дней назад...

- Единорог? - Лин Жань смог выдать от усталости только одно слово.

Выражение лица Лу Цзиньлин изменилось: - Мой брат больше всего ненавидит, когда его называют единорогом.

Показалось, как будто аллея внезапно стала холодной и спокойной. Ветер пронёсся по старому асфальту, шевеля и поднимая вверх опавшие листья.

Когда Лу Цзиньлин увидела, что выражение лица Лин Жаня не изменилось, бабочки в её животе забурлили ещё сильнее. Её голос становился всё мягче и нежнее: - Забудем об этом. Моего брата всё равно здесь нет. Не называй его так при следующей встрече, иначе можешь пострадать.

Лин Жань отказался от комментариев. Несмотря на то, что он долго изучал татуировку парня с единорогом, когда зашивал рану, он не почувствовал ни гнева, ни недовольства с другой

стороны.

- Кстати, это подарок моего брата. Лу Цзиньлин взяла на себя инициативу открыть большой ящик на земле и снова показать красивую большую рыбу. Из-за холодных кубиков льда казалось, что в коробке всё окутал туман.

Лу Цзиньлин первоначально планировала уйти после того, как доставит рыбу, но ей не хотелось уезжать. Она не могла удержаться от слов: - Вы едите лосося? Позвольте мне приготовить его для вас.

Она успела сказать это, прежде чем отец и сын Лин смогли ответить, а потом указала на Ян Ху и сказала: - Иди и отнеси эту коробку для меня.

Ян Ху был и так уже ошеломлён зрелищем перед своими глазами. Он хотел сказать «нет», но Лу Цзиньлин уже шагнула во двор семьи Лин своими длинными светлыми ногами.

<http://tl.rulate.ru/book/23385/565277>